

Побег матери

Розалия Шрейдер не спала. Она плакала, сдерживая рыдания, чтобы не разбудить детей. Рядом с ней мирно спали её девочки – двенадцатилетняя Ева и десятилетняя Лиза. За занавеской во сне сопел четырнадцатилетний сын Антон, а в передней беспокойно ворочались на деревянном диван-кровати две её взрослые дочери – Флора и Рая...

Завтра Розалию с дочерьми и деревенскими женщинами, у которых дети старше трёх лет, заберут в рабочие колонны и увезут неведомо куда. Это будет уже третья по счёту мобилизация жителей сибирской немецкой деревни Новое Начало.

Первыми – ещё в январе 1942 года – забрали немцев, только что депортированных из Поволжья. Их, голодных и напуганных, не успевших после изгнания прийти в себя, отправили на трудовой фронт. Они растерялись, получив повестки из военкомата с указанием в обязательном порядке иметь с собой тёплую одежду, постельное бельё, кружку, ложку и продукты на десять дней. Переселенцам было предписано взять то, чего у них не было.

Необходимые вещи и еду собирали всей деревней. Розалия поделилась продуктами и старой телогрейкой бывшего мужа Венделина.

Через два месяца, ранней весной, призвали уже всех местных мальчишек от пятнадцати лет и мужчин до пятидесяти пяти. Среди них оказался и её шестнадцатилетний сын Иван...

Венделина забирали из другой деревни, в которой он, освободившись из тюрьмы, проживал последние два-три года. Розалия до сих пор не знает, за что его посадили. В деревне, как бывает в таких случаях, говорили всякое. Якобы, будучи председателем сельского совета, Шрейдер незаконно продал, то ли цыганам, то ли казахам, коня. А может всевидящее государево око усмотрело нечто иное в деятельности местного сельского администратора? Ведь Иоганна Эйхвальда, бригадира второй колхозной бригады, ставшей лучшей по итогам посевных работ, арестовали только за то, что лошади его бригады выглядели справнее, чем их сородичи из первой. Вывод вышестоящего начальства звучал как приговор: гражданин Эйхвальд – вредитель – вместо того, чтобы сдавать излишки хлеба родному государству, тайно скармливал их скоту.

Венделин после выхода на свободу не осмелился вернуться на родину. Он поселился неподалёку, в русской деревне Букреевка, где сошёлся с местной женщиной. А Розалия в 42 года осталась одна с шестью детьми. До неё доходили слухи, что её бывший очень скучает по детям, особенно по меньшей – Лизоньке. Мать разрешила двум младшим дочерям – Еве и Лизе – некоторое время пожить у отца. Нелегко было ей прокормить семь едоков. А тут какая-никакая, а помощь. Но

Ева поняла, что папа женился на чужой тётушке. Ей стало обидно за маму, и она убежала домой. А потом забрали и Лизу...

Розалия, лёжа в постели, стараясь справиться с непрерывно наворачивающимися на глаза слезами, вспомнила, как почти два года назад началась это проклятая война...

22 июня в Новом Начале отмечали сабантуй. Колхоз успешно отсеялся – почему не погулять? Землепашцы делали это испокон веков... К обеду поступила телеграмма, извещавшая о том, что фашистская Германия напала на Советский Союз. В маленькой немецкой деревне началась большая паника: женщины и дети плакали, а подвыпившие мужики ругали на чём свет стоит Гитлера и фашистов. К вечеру деревня замерла в тревожном ожидании...

Немцев-мужчин не стали брать на войну. Их поголовно – от пятнадцати до пятидесяти пяти лет – призвали в трудовую армию. Большинство из них попало в распоряжение Наркомата внутренних дел, а это означало нахождение за колючей проволокой с нормой питания часто ниже, чем у уголовников.

После того как завтра заберут всех трудоспособных женщин от шестнадцати до сорока пяти лет, Новое Начало почти обезлюдит. А оставшиеся немощные старики и дети будут обречены на выживание...

Тревожная мысль о детях, которые останутся одни, всю ночь не выходила из головы Розалии. Накануне женщинам сообщили, что власть не оставит без внимания их детей, и, мол, в случае отсутствия близких родственников, дети старше трёх лет будут переданы на попечение колхозам. Розалии от одной только мысли, что грозный председатель Козловский, присланный недавно вместо мобилизованного в трудармию Реммеля, будет опекать её детей, становилось не по себе, и слёзы непроизвольно продолжали капать на подушку, промокшую уже насквозь.

В маленьких окнах белого саманного домика забрезжил майский утренний свет. Мучительная ночь позади. Впереди пугающая неизвестность, усиливающаяся топотом копыт и грозным ржанием председательского коня, услышанным с улицы. Не зная русского языка, Розалия пытается понять смысл слов председателя, который, мчась по центральной улице, крикливо громко вещал, что сбор мобилизованных состоится в 10 утра у колхозной конторы.

Вороной жеребец по кличке Буран был под стать Козловскому: высокий в холке, мощный, с широкой грудью, раздувающимися ноздрями и с пеной в пасти, он вместе с хозяином навёл ужас на детей и женщин – особенно, когда они рыскали по полям в поисках прошлогодних колосьев, и он настигал их, заставляя выбросить спрятанный пучок ржи или пшеницы. А это означало для некоторых семей, что дети в них снова лягут спать голодными. Нет более тяжкого испытания для матери, чем глаза голодного ребёнка...

Через несколько месяцев председатель колхоза загонит до смерти своего любимца Бурана, и с него снимут бронь, а в наказание отправят на фронт. В то время за угробленную скотину могли строже наказать, чем за погубленную человеческую жизнь.

Вместо Николая Козловского в Новое Начало пришлют, на радость оставшимся жителям, Петра Новицкого – доброго и порядочного человека. И тогда уже никто не будет называть их обидным словом – фашисты.

Но это случится потом...

А пока Розалия подоила корову Белянку, приготовила завтрак, сварив овсяную кашу и яйца. Она достала свою котомочку с едой, приготовленную на дорогу, вытащила из неё две буханки хлеба, кусок сала, кружок домашней колбасы, и положила на полку кухонного шкафчика, спрятав за занавеской.

Скоро все собрались за столом. Молча ели, пряча друг от друга глаза, полные слёз.

- Антон, ты останешься в семье за старшего. Ева, Лиза, слушайте брата. Нас с Флорой и Раей увезут далеко, но мы обязательно вернёмся, – сказала Розалия.

- А вы надолго? Ведь нам надо картошку посадить, – спросила Ева, с трудом сдерживая рыдания. – А за Белянку не беспокойтесь, Антон будет её кормить, а я доить. И ещё мы каждый вечер будем сидеть на улице, на скамейке, и ждать вас.

Ева расплакалась. Вслед за ней разрыдались и остальные.

Немного успокоившись, Розалия сказала детям остаться дома и не провожать их. Обнявшись, образовав круг, тяжело попрощались...

У колхозной конторы стоял вселенский плач. Детей нельзя было оторвать от матерей. Козловский требовал, чтобы старики увели их домой. А они вырывались из их рук и вновь бросались в материнские объятия. Тут Розалия увидела, что по улице с рёвом бегут к ней, несмотря на её запрет не выходить на улицу, Антон, Ева и Лиза. У неё в глазах всё поплыло, и она медленно начала приседать возле рядом стоящей подводы. Дети подбежали, обхватили со всех сторон, не дав ей упасть.

Раздался резкий командный голос Козловского, сидящего на гарцующем Буране и размахивающего кнутом: «Прекратите орать. Расселись по подводам. Забрать детей!»

Рассекая кнутом со свистом воздух, он начал отсекал детей от матерей: «Старики, ё....., разберите детей и уводите их домой. Затопчу...».

Ребятишек на какое-то время смогли отодвинуть от подвод, и колонна тронулась в путь. Тут вновь раздалась крики матерей, зовущих своих детей: «Эдик, Вилли, Лиза, Кристина, Ева, Павлина, Флора...»

А в ответ душераздирающий хор детей: «Ма-ма! Ма-ма! Ма-ма!». Они вновь вырывались из слабеющих рук бабушек и дедушек и побежали за подводами, крича,

плача, падая и поднимаясь вместе с дорожной пылью. Но грозный Козловский, пугая конём и кнутом, не давал детям приблизиться к подводам. Они остановились с застывшим в глазах страхом, а по щекам ещё долго текли слёзы, оставляя грязные следы на детских лицах...

На вторые сутки колонна подвод прибыла на омский вокзал. Женщины сбились в большую кучу. Старший по колонне из горьковского райвоенкомата спросил, кто знает русский язык. Вызвалась Екатерина Ортман, депортированная в Новое Начало в сентябре 1941 года из Республики немцев Поволжья. Она была грамотной, бойкой и энергичной женщиной средних лет, большой любительницей немецких народных песен и частушек. Работник райвоенкомата передал слово представителю Управления НКВД по Омской области. Это был ещё молодой, но уже лысеющий офицер с малиновыми петлицами и двумя просветами на погонах. Он грозно посмотрел на женщин и сказал:

- Отныне вы все призваны в трудовые колонны. Сегодня вечером вас отправят на Урал, в город Невьянск, на заготовку леса. Фронту требуется пиломатериал, а от вас – честный самоотверженный труд. В случае непослушания, нарушения дисциплины, отказа от работы, за дезертирство из рабочих колонн или, ещё хуже, попытки к бегству, согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны от 10 января 1942 года, к вам будут применены строгие меры, вплоть до расстрела. Всё ясно?

Обратившись к Екатерине Ортман, продолжил: «Переведи всё слово в слово»

Екатерина была в замешательстве. Она не знала, как на швабском диалекте переводится Государственный Комитет Обороны. Заикаясь, с трудом она перевела угрозы большой власти.

После выступления начальника женщины ещё теснее прижались друг к другу. Они были напуганы и безмолвны.

Через пять суток их привезли в Невьянск. Это был небольшой городок, около 20 тыс. жителей, расположенный в 74 километрах севернее Свердловска. В нём работал крупный военный завод, производящий артиллерийские снаряды. Завод нуждался в дровах, на заготовку которых направили девушек и женщин из Нового Начала. Жили в лесу, выкопав себе землянки. Кормили два раза в день. В их рационе крапива и щавель заменяли овощи. Но женщин беспокоили даже не эти невыносимые жилищно-бытовые условия и тяжёлый труд – их мысли были о детях, оставшихся дома. Многие из них проживали одни, без взрослых, испытывая страх и голод. Вечерами и ночами после трудовой смены, собравшись вместе, матери говорили только о доме и детях.

Через месяц к ним прибыла ещё одна группа женщин, среди которых оказалась свояченица Розалии – Екатерина Шрейдер. Она рассказала ей, что во время посадки картофеля её дочь Еву ударила молния. Девочка выжила, но,

кажется, тронулась умом: бродит по деревне голодная и никого не узнаёт. Антон и Лиза с трудом справляются с ней. Корову они продали. Дети одни. Иногда им помогает баба Эмма Эйхвальд.

Розалия была шокирована новостью. Вечером в землянке, плача и глотая слёзы, она сказала своим дочерям – Флоре и Рае: «Дети без меня погибнут. Я ночью убегу. До невянской станции 12-15 километров. Оттуда пешком по шпалам, а если повезёт, то где-то на поезде, доберусь до Омска. От города до Нового Начала рукой подать».

- Вы же слышали мама, что сказал большой начальник – за побег могут и расстрелять, – с трудом произнесла Флора.

- Ева болеет, дети голодают. Я не смогу оставаться здесь. Давайте попрощаемся, и ложитесь спать. Если что, вы ничего не знали о моём побеге.

Они обнялись, как месяц назад дома, и от безысходности заплакали...

Розалия, преодолевая в течение двадцати пяти дней расстояние в тысячу километров, в конце июля оказалась в родной деревне. Дождавшись вечера, она, крадучись, подошла к двери и, взявшись за её ручку, услышала голос Евы: «Тётушка, а вы к кому?».

- Доченька, это я, твоя мама, – прошептала Розалия.

От крика Евы из дома выскочили Лиза и Антон. Дети ошалели от счастья. Они плакали, обнимали, целовали свою родную мамочку, до конца ещё не веря, что эта чёрная, худая и измученная женщина и есть их мама.

Розалия всю ночь штопала, ремонтировала одежду, обувь, приготовила поесть. Дети боялись хоть на шаг отойти от матери. Так и уснули рядом. Утром она объяснила им, что днём будет уходить в лес, а вечером возвращаться домой.

Весь август Розалия пряталась во ржи – благо в этом году она уродилась. Ночами приходила, стирала, кормила детей. Не могла нарадоваться, что Ева пошла на поправку. Но наступила осень, ночи стали невыносимо холодными. Розалия, понимая на что идёт, перестала прятаться. Весть о том, что в деревню вернулась Розалия Шрейдер, сразу дошла до председателя сельского совета Прокопия Трухина. Он увёз её в районный центр. Там только на третий день вызвали её в суд и присудили семь лет тюрьмы. Розалию отпустили домой, предупредив, что её через трое суток заберут. Она прошла пешком около пятидесяти километров. На протяжении долгого пути её не покидала мысль, что это конец. Из тюрьмы она уже не вернётся. Она закричала во весь голос и упала в придорожную траву, уже пахнущую осенью. Сколько так пролежала, она не помнила...

Через трое суток за ней на дрожках заехала инспектор по заготовкам из соседней немецкой деревни Осиповка Линда Гофман. Она, посмотрев на Розалию и её детей, ужаснулась: проплакавшие всю ночь, измождённые, они были похожи на собственные тени. Усадив рядом Розалию, Линда сильно дёрнула лошадь за

вожжи, и она понеслась с места чуть не в галоп. Дети, на мгновение остолбенев, ринулись затем догонять телегу. Они бежали, плакали и звали маму. Розалия, повернув голову назад, махала детям рукой, прося их остановиться. Она ревела вместе с ними. Лиза споткнулась и упала. Антон помог ей подняться, крикнув: «Быстреей, мы должны догнать их».

Ева бежала впереди и кричала: «Мамочка, возьми нас с собой!».

Проехав полтора-два километра, Линда остановила коня. Через некоторое время подбежали дети. Лиза запрыгнула на телегу и крепко обняла за шею маму. Антон и Ева схватились за колёса, как будто они были в силах удержать телегу.

Линда тихо, с комом в горле, проговорила: «Роза, иди домой».

- Как же ты? Тебя же накажут.

- Не бойся, я что-нибудь придумаю. Иди к детям, – сказала Линда.

Розалия спрыгнула с дрожек. Линда, ударив кнутом коня, стала быстро удаляться. Оглянувшись назад, увидела на просёлочной дороге мать в объятиях своих детей...

Девяностолетняя Розалия Антоновна Шрейдер умирала дома в собственной постели, в окружении любимых детей. За это она как истинная католичка благодарила Всевышнего. Розалия наконец-то освободилась от многолетнего страха, что за ней придут и предъявят непогашенную судимость за совершённый ею побег. И, вспомнив слова местного старца Филиппа Шперлинга «Роза, ты не побег, а подвиг совершила», окончательно успокоилась.

Розалия покидала эту грешную землю, не оставляя долгов, тихо, благородно и, несмотря ни на что, с добрыми чувствами к людям.

Виктор Эйхвальд